

Накануне

Накануне

НАКАНУНЕ

**1-й год изд.
№ 202**

**ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
под редакцией коллегии:**

**Вторник
5 декабря 1922.**

Адрес Редакции и Главной Конторы: BERLIN SW 19, Beuthstr. 8.
Телефон: Редакции Zentrum 856. Главной Конторы 765. 6, 7, 8, 770
Tel.-Adr.: „Nakanune Berlin“. Прием по делам Редакции от 2 до 4 ч.
Postscheckkonto: NW 96634. Bankkonto: Disconto-Ges., Leipzigerstr. 66
Объявления при в конт. Строка непарелли или занимаемое место для
Германии - 50 мар. Ширина строки одна десятая часть стран. Объявления: врач,
прис. повер., испущ. труда, розыски - 25 мар. Строка объявления в тексте - 250 мар.
При повторн. объявлениях - скидка. Для др. стран - цена по особому тарифу.
В России: Отделение Главной Конторы газ. „Накануне“ для приема подписки,
объявлений, розничной продажи и экспедиции в провинцию МОСКВА, Гнез-
диковский пер., № 10 (угол Тверской).

**Russische Tageszeitung
Russian daily paper
Quotidien russe**

**ЦЕНА 30 марок
PREIS 30 Mark**

Подписная цена на декабрь для Германии, Австрии и Венгрии - 800 г. м. в мес. банд. 900 г. м. Франции, Бельгии и Люксембурга, Испании, Греции, Турции и Палестины - 8 ф. фр. в мес., 23 ф. фр. за 3 мес. Голландии - 1 1/2 гульд в мес., 4 гульд за 3 мес. Великобритании - 3 шиллин в мес., 8 шиллингов за 3 мес. Америки 7/8 долл. в мес., 2 долл. за 3 мес. Швейцарии - 4 шв. фр. в мес. 11 шв. фр. за 3 мес. Скандинавских стран - 3 кр. в мес., 8 кр. за 3 мес. Италии - 10 лир в мес., 27 лир за 3 мес. Чехо-Словакии - 16 чеш. кр. в мес., 45 ч.кр. за 3 мес. и Финляндии 16 ф. м. в мес., 45 ф. м. за 3 мес. Эстонии, Латвии, Литвы. - 1600 г. м. Польши, - 1200 г. м. Болгарии, Юго-Славии и Румынии 1400 г. м. в мес. России 1200 г. м. в мес. Японии и Дал. Востока - 1 1/2 иены в мес., 4 иены за 3 мес. - Подписка принимается во всех почт. учрежд. Германии и в Главной Конторе. Контора открыта от 9 ч. до 4 ч.

Бесы и ангелы.

По закону Мишны в Иудее подвергался одному и тому же проклятию и тот, кто выучит сына греческим наукам, и тот, кто вырастит свинью. Поэтому эти «несчастные» животные вообще не разводились в Иудее. Тем не менее их почему то на дороге оказалось целое большое стадо, когда бесы попросили Христа позволить им войти в них из исцеляемого бесноватого. И с Его разрешения причинили большой убыток их хозяину. Оно было дано несомненно оттого, что животные были нечистыми с религиозной точки зрения.

Вдохновившись этою легендою, Достоевский изобразил революционеров в виде бесов, вселяющихся в русский народ, а видящие в Достоевском провидца нынешние реакционеры логически усматривают и в русском народе лишь стадо нечистых свиней. К этому сводятся отзывы о России Бунина, Яблоновского, Мережковского, памятные по своей грубости.

Мережковский проповедует, что душа русского народа охвачена собачьим бешенством. Ждут, что по пророчеству Достоевского русский мужичек, согрешив, покаяется — и «усядется у ног Христа, то есть у их-же ног, у ног их правителей, генералов, помещиков, иерархов, так как они давно взяли монополию на Христа и оттого возмущались, когда Блок нарушил эту монополию.

Отчего фальшивы «Бесы» Достоевского? Оттого, что он вынул из своих революционеров душу, идеологию — стремление спасти «униженных и оскорбленных». Среди десятков выведенных им лиц — ни у одного нет искорки любви к человечеству. Разве такая картина жизненна? Сравните этих бесов с людьми Тургенева, который подвергся бойкоту прогрессивных кругов за то, что в «Нови» изобразил революционеров без идеализации, скорее в неприглядном виде. Но у него они люди, а не бесы. Понятно, что их движет, тогда как у героев Достоевского решительно непонятно, зачем они стремятся разрушить Русь православную, да Достоевский этим и не задается —

злодей, вот и все. «Зла фурия во мне смятенно сердце гложет. Злодейская душа спокойна быть не может.» Углубляясь в тонкости психологии, Достоевский упустил психологического слона — что нет преступлений без мотива. Такого мотива преступлений своих революционеров он не дает. Они даже не выполняют воли каких-нибудь сионских мудрецов, а просто, бесцельно, подобно Сумароковскому Лжедмитрию, желают, чтобы погибла «вся вселенная».

Прав, конечно, Тургенев, а не Достоевский, типы которого, несмотря на весь талант их изображения, с той же колодеи, как и революционеры Маркевича и Гончаровский «Маркушка выжилот». Идеализм, любовь, высшие стремления движут Неждановыми и Маркеловыми; с ними рядом встают женские образы, овеянные Тургеневской нежностью, даже когда идут на преступление — «святая» девушка у дверей в стихотворении в проза. И суровость Базарова понятна, как панцырь на идущем в бой. Этот идеализм может довести — и довел — до фанатизма, до величайших преступлений, но сам по себе остается светел. Ведь даже в кошмаре Чека выделялись фигуры альтруистов, аскетов, бывших политических каторжников, лишь принесших от своих оков в Сибири не то, что Достоевский. И такие озлобленные и легкомысленные антибольшевики, как Татьяна Варшер, не могли не остановиться с недоумением перед воспоминанием о святой девушке, всю жизнь горячо любившей народ и затем в Чека собственноручно расстреливавшей тех, кого считала его врагами. На статью Варшер в печати промелькнуло еще несколько таких-же образов. Понятно, в терроре Чека, они тонули в массе иных, но, выходит, даже с террором, дело не так просто. И там не бесы были, как не бесами были Марат, Робеспьер и заурядные, пролившие столько крови их последователи. Француз «Боги жаждут» сделал их понятными, объяснил их человеческую психологию.

Русская революция разрушила богоустановленность, обще-признанность деления общества на богатых и бедных, выраженную Ламмена даже в правильном утверждении, что общество поконится на подчинении бедных. Делается попытка создать такой строй, чтобы общество больше на этом не покоилось. И что бы ни было дальше, хотя бы сама Россия зашла в дебри, покоя то ведь уже больше капиталистическому строю не будет. Массы поняли. Не ждите от них больше смирения и непротивления. Как характерно, что Толстой и Достоевский, оба несомненно враги активной революции, призывающие массы к такому смирению, зажгли нимб над головой тех же героев — нищих духом, чуждых мужества, неспособных на борьбу. Как ни разнится от Толстого православный националист Достоевский, его положительные герои — толстовцы, непротивленны: Алеша, князь Мышкин, герой «Униженных и оскорбленных». Да разве они не из одного теста с Пьером, Платоном Каратаевым, Акимовым и всеми, уже безымянными, героями позднейших моральных толстовских произведений. Признавая войну между нациями, Достоевский представить себе не может без ужаса и безусловного отрицания войны классовой, революции. Однако ведь интеллигент, как Алеша и Мышкин, или плебе, как Каратаев и Аким, могут быть полезны в народном организме лишь в небольшом количестве, для души, для нравственного света, а расплодись они, они погубили бы организм акемией, как белые шарики. Силу ему дают шарики красные.

Достоевский ошибся. Не покаявшийся дядя Влас, старик седой — «величайший символ народного духа». Ошибся Толстой, в письме к революционерам утверждавший меньше, чем за десять лет до революции, что она в России невозможна. От Гоголя до Чехова все видели в русском простом народе как положительный тип, лишь пассивного страдальца; ничего больше не увидел даже Некрасов, услышал над Волгой лишь бурлацкий стон, называемый песнею, а не удалую песню Разина и Пугачева — тех, при которых русский народ только и дал

свою настоящую историю по словам прообраза Петра Верховенского, самого Нечаева. Кто бы подумал, что эти слова окажутся более проинципательными, чем вся русская литература. А интеллигенция верила в приторного Антона Горемыку. Поэтому то и ныне поносит русский народ, как стадо свиней, то изображает его в виде сто-миллионного пассивного страдальца, не могущего сбросить власти кучки коммунистов — и даже не видит противоречия, не видит, что Бунинский разбойник уже никак пассивным быть не может. Забавно рассказывает майор Фрезер, взятый в плен около Архангельска в 1919 году, как эмиграция уверяла и Антанту в том, что русский мужичек только и жаждет, что освобождения от ненавистной советской власти. — «Нас уверили, что путешествие от Архангельска к Вологде и Москва будет военной прогулкой, что население будет всюду водвигать нам триумфальные арки и подносить хлеб и соль, что большевистские войска сейчас же разбегутся и сдадутся. Ну, если так, отчего же не поехать?» И добровольцы были набраны, но сами вынуждены были сдать — и были отвезены в скотном вагоне в ту Москву, куда думали войти при восторженных кликах благодарного населения.

Благодарное население... Сколько сарказма, залитого даже Шульгиным, ныне в этом выражении. Если в России доподлинно идет борьба «бесов» с «рыцарями креста», то отчего же эти рыцари повели себя на Юге, как средневековые раубриттеры, рыцари-грабители, отчего они так быстро усвоили все темное, все жестокое от русской революции, не поняв ничего в ней светлого и творческого? Вместе с разочарованным майором Фрезером с севера, вернулся с Деникинского Юга не менее разочарованный полковник Малон, 5 ноября 1919 года в палате Общины засвидетельствовавший, на основании виденных им на Юге зверств, что белый террор, после взятия Москвы, будет «бесконечно кровавее» красного. Опенил он и сопротивленки народа самозваным спасителями, говоря, что Колчак и Деникин смогут дойти до Москвы лишь после уни-

сающего кровопролития, и что Англия должна как можно скорее заключить мир с Советскою Россиею. Да, в 1918—1919 году, годы белого торжества Скорняковского, Колчака, Деникина, годы алчности Антанты, годы предательства русского народа его же демократией, действовавшей с Антантою заодно, ее подстрекавшей — много горя и разорения привнесли эти годы русскому народу, но зато дали такой предметный урок, который не забудешь. Он был нужен и Европе и России. После него и Брангель и Мережковский и Милюков и Зензинов могут сколько угодно петь свои песни. Ибо всюду соднали ныне разрушенное «царство антихриста».

Оно не в терроре, даже не в грабежах, не в том, что белые генералы совмещали то и другое, что Шкуро пылае бриллианты, а Ютатов по общему отавву новороссийских белых кругов был из всех губернаторов Черноморской губернии самым первейшим князюшкой. Оно — в том, что эти люди просто кинулись с зряком «сарынь на кичку» на «благодарное население», помещики — на землю, «Доброварня» на погромы и грабежи, без малейшей идеологии, без малейшей заботы о русском народе, над которым так лицемерно скорбели, что в Кремле они видели лишь возвращение своих привилегий, лишь «святую муть» — «веревку уготовав, повесим их в молчаньи», как поет Гиппиус, лишь диктатуру и старую власть. Вот тот мрак, в котором потокули все отдельные подлинги. И если бы даже видеть в заштупниках великой русской революции порождения мрака, нельзя не увидеть в ее противниках мрак еще больший. И днем есть тени рылом со светом — такова русская революция. Но ночь там, где лишь мрак, а света нет. Такова оказалась русская контрреволюция, чуждая всяких идеалов. По прощанью судьбы именно она воплотила бесов Достоевского, соданных на тьме, из одной лучшей гордости и стала не столько царством антихриста, сколько царством ее величества Пошлости.

А. Доброваря-Пушкин.